

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Е. В. Даринская

Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотрения проблемы политической культуры России в аспекте ее мифологических составляющих. Анализируются истоки формирования идеологических мифов, их специфика, соотношение рациональных и иррациональных компонентов.

Ключевые слова: миф; политика; культура; идеология.

Abstract: The article deals with the problem of political culture from its mythological components point of view. Sources of formation of ideological myths, their specificity, correlation of rational and irrational elements are analyzed.

Key words: myth, politics, culture, ideology.

Отличительной особенностью современного этапа развития человеческого общества является тесная связь социокультурных и политических процессов: политика направляет социальную деятельность людей, социокультурные факторы оказывают влияние на политику. В осуществлении этой взаимосвязи особую роль играет политическая культура общества. Политическая культура является неотъемлемой составляющей общенациональной культуры и представляет собой, прежде всего политический опыт человечества, социальных общностей, больших и малых социальных групп, полученный и сформированный в ходе исторического развития людей. Опыт получает свое отражение в политическом сознании, которое в свою очередь определяет политическое поведение людей. Таким образом, политическая культура не замыкается в рамках политического сознания, а находит свое проявление, реализацию в политической практике.

Политическая культура складывается, с одной стороны, из тех политических представлений, которые обусловлены традициями, обычаями, верованиями, передаваемыми из поколения в поколение, с другой стороны, из воспроизводства этих представлений в процессе изменяющихся условий политической жизни общества. Так или иначе, в политической культуре закрепляются определенные устойчивые нормы и типичные образцы поведения, стереотипные формы мышления, в рамках взаимодействия «власть-индивид-общество». Тем самым политическая культура выступает важным фактором интеграции общества, подкрепленным

стремлением власти выработать в обществе лояльное отношение (хотя бы формальное) к собственной политике, через формирование, а иногда и навязывание определенных политических смыслов и ориентаций. Но нельзя отрицать и возможность противоречия между политической культурой, поддерживаемой институтами государства и теми ценностными установками, на которые сориентировано большая часть общества.

Политическая культура, включая в себя субъективные представления, чувства, мнения, идеи, ценности людей, может самым серьезным образом изменять ход исторического процесса, подтверждая идею о том, чувства и страсти играют в политике не меньшую роль, чем разум и холодный расчет, а ради осуществления прекрасной идеи совершаются самые бесчеловечные безумства. Особенно ярко это проявляется в ситуациях кризиса твердых общественных структур, привычных моделей поведения и систем ценностей, на фоне крушения старых символов и авторитетов. Именно в такие периоды массовое сознание особенно охотно извлекает из своих глубин иную, архаическую логику. В данной логике значительное место занимают мифологические образы-символы, опирающиеся на архетипы как наиболее устойчивые элементы коллективного бессознательного. В такие периоды люди, уставшие от неопределенности и нестабильности мира готовы поверить любому чуду. Этим умело пользуются те или иные политические силы, которые начинают использовать миф для достижения собственных целей и включают его в качестве компонента в идеологические конструкции.

Современные идеологические мифы и по форме и по содержанию существенно отличаются от древ-

них. Они могут быть вполне индивидуальными по происхождению и осознанными, следовательно, мы не можем говорить о мифе только как о коллективном бессознательном. Массовое сознание содержит в себе лишь элементы мифологии, законченные идеологические мифы являются продуктом деятельности политических идеологов и тиражируются средствами массовой информации.

И.И. Кравченко замечает, что «если мы говорим о современном мифе и тем более политическом, то он может быть целенаправленным, предназначенным культивировать иллюзии, героизм, величие вождя или какой-либо идеи, создавая фиктивную, иллюзорную реальность, с которой приходится считаться» [3, 9]. То есть здесь мы видим не просто пассивное стремление соответствовать мифологическому архетипу, а активное стремление создавать новый миф. Хотя, такое активное отношение к мифу не является спецификой именно современной эпохи. Еще император Август стремился победить фатальность неизбежной гибели Рима, которая, согласно мифологическому сознанию того времени, была предзадана еще в момент его основания Ромулом. Август провозглашает себя вторым основателем Рима, тем самым, вселяя надежду в современников, что окончательная гибель Рима вовсе неизбежна, и что Рим подобным образом может снова и снова возрождаться. Об этом М. Элиаде пишет так: «Мы присутствуем здесь при последней попытке освободить историю от астрального рока или от закона космических циклов и — через миф о вечном обновлении Рима — вернуться к архаическому мифу о ежегодном (а главное, не катастрофическом) возрождении Космоса путем вечного его воссоздания правителем или жрецом» [5, 126].

Современные мифы включают в себя иррациональное и рациональное, сознательное и бессознательное. Э. Кассирер отмечает, что цивилизованный человек, несмотря на погружение в миф, подобно человеку, древнему, не может полностью отказаться от требований рациональности. Для своей веры он ищет резонные основания. Соответствующее теоретическое оформление верования может оказаться весьма сложным, хотя и приводит к тем же эффектам, что и верование «примитивных» народов [2, 112]. В отличие от архаических мифов, не требовавших объяснения, его заменяли предания и легенды, которые принимались на веру, идеологические мифы сталкиваются с вполне рациональным современным мышлением. Они обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему, а,

следовательно, непременно проходят процедуру рационализации. Более того, идеологические мифы, в отличие от архаических мифов начинаются не с иррациональной идеи, а с рационального замысла, который в дальнейшем наполняется иррациональным содержанием, иррациональным по сути, но не по форме. Рациональное начало идеологического мифа связано с обдуманым замыслом, иррациональное же с неосмысленным восприятием и распространением мифа. Ему придается такая форма, которая стала бы приемлемой для большинства людей, а также бы позволяла бы претендовать на получение статуса обязательности и общезначимости.

При всей формальной рационализации, основополагающим принципом мифологического мышления является принцип рациональной неопровержимости мифологических истин. Современное мифологическое сознание подразумевает «двоемыслие». Человек может знать рациональное объяснение ситуации и в то же время придерживаться мифологического объяснения. При этом человек получает возможность никак не реагировать на совершенно очевидные факты и доводы, любая рационалистическая аргументация перестает на него действовать. Мифологическое сознание скорее внушает, а не объясняет, оно нацелено на то, чтобы снимать, а не ставить проблемы, устранять вопросы, освещать мифологическим смыслом все моменты жизни человека. Именно это часто служит критерием для современного человека при выборе той или иной идеологической установки. Если понаблюдать за мотивами человека, которые заставляют его доверять совершенной политической лжи, то очень часто они объясняются страхом потерять объяснимость происходящего.

Анализируя мифологическое сознание современного человека, французский философ Ролан Барт показывает, как оно, сталкиваясь с непонятным, использует принцип символизации. Под символизацией Р. Барт понимает наделение явления принципиально новым смыслом. Об этом он пишет так: «Когда же нечто выглядит слишком уж странно, у здравого смысла остается в запасе ещё одно средство, чтобы справиться с ним, не выходя за пределы механики уравнений. Средство — это символика. Всякий раз как нечто видимое кажется немотивированным, здравый смысл бросает в бой тяжелую кавалерию символа... он, несмотря на свою абстрактную сторону объединяет зримое с незримым под знаком количественного равенства (одно значит другое). Арифметика спасена.

Мир не рухнул» [1, 130]. Далее Р. Барт выражает эту мысль в более кратком, но выразительном афоризме: «Коль скоро это нечто значит, оно становится уже не так опасно» [1, 131]. Но ведь мифологическое сознание как раз и призвано решить проблему наделения значением всего, с чем сталкивается человек.

Таким образом, в современном политическом сознании в достаточно наглядном виде обнаруживается возрождение мифологических сюжетов. Этот феномен не имеет специфической национальной принадлежности и прослеживается в качестве глубинной тенденции политической культуры современного цивилизованного мира. Безусловно, нельзя не признать тот факт, что воспроизведение архаичных мифологических черт наиболее явно проявляет себя именно в контексте современной российской действительности.

Истоки современного российского политического мифотворчества часто связываются с недавним советским прошлым, политическая культура которого была обусловлена внедрением определенной системы символов, мифов, норм, призванных обеспечить сакрализацию власти. Приёмы и способы, предназначенные придать ореол божественности политическому лидеру, берут своё начало ещё в глубокой древности, когда первобытные боги и демоны, олицетворявшие когда-то силы и стихии природы, в первых восточных цивилизациях начинают отождествляться с государством и правителем. Это давало возможность вписать власть государства в общий космический порядок. С образом вождя всегда связывалась вера народа в «светлое будущее» и надежда на чудо. Именно здесь открывается огромное пространство для различного рода манипуляций и спекуляций на фоне эксплуатации этих важнейших человеческих переживаний. Интересно в этой связи замечание Э. Кассирера о том, что в этом случае «... все социальные установления: закон, справедливость, конституция — объявляются не имеющими никакой цены. Остаётся лишь мистическая сила и власть вождя, и воля его становится высшим законом» [2, 111].

Общественное политическое сознание современной России также отличается вождизмом и стремлением к персонификации политических явлений и государства. Государство отождествляется с его лидером, часто представляющимся как некий герой, от которого ждут чуда. Нетрудно усмотреть здесь эксплуатацию типичного мифологического сюжета о Спасителе, который в массовом сознании выступает как «мессия» наделённый

«правом свыше» на реализацию плана спасения человечества. Образу «героя» — носителя абсолютного добра в мифологическом сознании противостоит образ врага, олицетворяющего таинственные силы зла, которые являются причинами всех недостатков нашей действительности. В роли врага могут выступать «лица кавказской национальности», «окопавшиеся в новых демократических структурах коммунисты», или «продавшиеся Западу демократы».

Вообще, миф чудесного спасения в отечественном политическом дискурсе является достаточно распространенным. В российской политике господствует миф о «судьбоносном выборе», схему которого используют многие политические блоки, стремясь придать своим интересам всеобщность, представить свою деятельность как некий монолог Закона, Истории, Времени. Таким образом, политические деятели и уж тем более обычные люди превращаются в статистов, способных лишь фиксировать некий замысел высших сил и ритуально приветствовать его. И собственно последние президентские выборы тому подтверждение, выбирали не лидера, выбирали судьбу, хаос или порядок, выраженный в движение по пути реализации прогрессивных реформ. Сама прогрессивность и эффективность мало у кого вызывала сомнения.

Сегодняшние социально-экономические и политические процессы, происходящие в России, свидетельствуют о наличии серьезного разрыва между «концептуальной моделью» реформ и практикой их осуществления. Чрезвычайно сложным оказывается поиск ответов на вопрос о жизнеспособных механизмах перехода общества к новому качеству. Проблемы усугубляются тем, что реформаторские проекты зачастую пытаются реализовать исключительно «сверху», вне развития политической культуры населения и учета ее конкретных особенностей.

От специфики и от уровня развития политической культуры во многом зависит направленность политических интересов, характер стандартов и правил политического поведения. Здесь нельзя не учитывать типологию политической культуры. Достаточно традиционно выделяют три ее типа: патриархальная, авторитарная, а также политическая культура «участия» или активной гражданской позиции. Отличительной чертой первого типа политической культуры является отсутствие интереса граждан к политике. В авторитарном варианте политической культуры представлено отстранение граждан от политики в качестве само-

стоятельных политических субъектов. Политическая активность здесь полностью не исключается, но в рамках санкционированных и декларированных властными структурами. И наконец, третий тип политической культуры предполагает активное участие граждан в политической жизни, способствует их самореализации в аспекте познания политических явлений и осуществления политической деятельности. Только овладение политической культурой гражданственной активности и ответственности «позволяет вникать в суть политических явлений, давать им адекватную оценку, а также отличать реальные политические цели от их мифологической упаковки», да и то не до конца [4, 133].

В политическом сознании и политической культуре современного российского общества ярко выражена тенденция соединения идеи государственности с идеями индивидуальной свободы и гражданственности, при этом снижается доверие к демократическим ценностям и нормам. В полной мере проявляется утопизм массового политического сознания, заключающейся в отстраненности, и даже некотором безразличии к политической сфере, в надежде, что все улучшения произойдут сами собой, вне проявления гражданской позиции и сознательного отношения к политическим процессам. Парадокс же заключается в том, что российская политическая культура отличается конфликтностью сознания, проявляющейся в постоянном недовольстве общественной системой, но не влекущей за собой радикальных, коренных преобразований, или же балансированием на уровне бунтарства, которое опасно предопределенной закономерной случайностью.

Политическая культура России формировалась в условиях особой роли государства, противостоящего обществу. И собственно индивид и общество в такой ситуации не являлись полноценными и полноправными действующими лицами социально-политического процесса. Интересы личности изначально приносились в жертву коллективному благу, а категории «личное» и «общественное» исключали друг друга. Сильное централизованное государство и по сей день служит идеалом, объединяющим разнородные социальные общности.

Политическая культура не является изначально заданным, неизменным феноменом. В результате развития конкретных политических, социально-экономических и культурных процессов происходят определенные сдвиги и в устойчивых характеристиках политической культуры. Изменяются ценностные основания политики и массовых политических ориентаций. Но данные изменения не настолько существенны, чтобы полностью исключить противоречие между демократическими идеалами, озвучиваемыми в качестве политической цели и архаичностью массовых ожиданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — 313 с.
2. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Феномен человека : Антология / сост. П.С. Гуревич. — М. : Высшая школа, 1993. — 347 с.
3. *Кравченко И.И.* Политическая мифология : вечность и современность / И.И. Кравченко // Вопросы философии. — 1999. — № 1. — С. 9—12.
4. *Чудинова И.М.* Политические мифы / И.М. Чудинова // Социально-политический журнал. — 1996. — 6. — С. 122-134.
5. *Элиаде М.* Космос и история / М. Элиаде. — М. : Прогресс, 1987. — 311 с.